

М. А. Маслин

В. В. РОЗАНОВ И РУССКАЯ ИДЕЯ

О России и русских В. В. Розановым написано великое множество страниц. Они встроены в многообразные сюжеты на тему «русского» в его главных литературно-философских шедеврах, какими являются «Уединенное» и два короба «Опавших листьев», а также близкие в жанровом отношении произведения — «Апокалипсис нашего времени», «Сахарна», «Мимолетное», «Смертное» и др. Многие его статьи и начальные строки отдельных подразделов внутри статей начинаются словами «Русские...», «Русское...», «Русская...», или словами «Наша», «Наши...», «Наше...» (опять же имеется в виду «наше русское»). Русским писателям, философам, священникам, ученым, учителям, художникам, политикам, государственным деятелям, журналистам, музыкантам, религиозным сектантам — разным русским людям современной и прошлых эпох посвящены многие его сочинения различных жанров, включая биографические очерки, некрологи, фельетоны, рецензии и др. Разумеется, заметки о многом русском постоянно присутствуют и в обширном эпистолярном наследии мыслителя. (Заметим в скобках, что эта сторона розановского творчества настолько велика, что требует специального освещения ввиду ее «неподъемности» в одной статье)¹.

В «Алфавитном перечне», составленном самим Розановым к «Уединенному» и «Опавшим листьям» и обозначающем начальные строки различных его текстов, также содержится множество ссылок на тему «русских» и «России»². Количественно эти авторские выделения начальных строк, посвященных «русскому», уступают только одному чаще всех других встречаемому в начальных строках слову, а именно слову

¹ Общая характеристика «эпистолярности» розановской философии содержится в публикациях автора данной статьи: Эпистолярность русской философии и тема литературного изгнания в творчестве В. В. Розанова // *Русская философия: Историко-философские дескрипты*. — Екатеринбург, 2010. — С. 160–180; Н. Н. Страхов и тема «литературного изгнания» в сочинениях В. В. Розанова // Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. — СПб., 2010. — С. 174–184.

² См. заключительный 30-й том собрания сочинений В. В. Розанова под редакцией А. Н. Николюкина // *Листва. Уединенное. Опавшие листья (Короб первый). Опавшие листья (Короб второй и последний)*. — М.-СПб., 2010. — С. 467–487. Все ссылки и цитаты даются ниже по этому собранию сочинений В. В. Розанова.

«я». То же можно сказать и об «Алфавитном перечне к «Сахарне», «Мимолетному. 1914 год», «Мимолетному. 1915 год», «Последним листьям», «Апокалипсису нашего времени», где соотношение «я» и «русского» такое же³.

Иначе говоря, простой контент-анализ названий розановских статей и «Алфавитных перечней» к его произведениям наглядно показывает существенный «перевес» того, что можно назвать «я — философией» Розанова над всеми иными, пусть даже столь важными для автора «Уединенного» темами. Философия Розанова, несомненно, имеет персоналистическую направленность, что де-факто признается в «Алфавитном перечне» самим автором. Но все же остается очевидным, что в чрезвычайно разнообразных по своей тематике розановских текстах, посвященных литературе, браку и семейному воспитанию, христианству, образованию, революции, войне, «восточным мотивам» и многим другим сюжетам, присутствие «русской темы» является постоянным. Это не подлежит сомнению, хотя постоянство розановских высказываний о чем бы то ни было проблематично и подвержено изменчивости. Розановские суждения о России персоналистичны и антиномичны, как и все другие его суждения. Он писал:

«— Сколько можно иметь мнений, суждений о предмете?

— Сколько угодно... Сколько есть “мыслей” в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда — без множества мыслей.

— Итак, по-вашему, можно иметь сколько угодно *нравственных* “взглядов на предмет”, “убеждений” о нем?

— По-моему и вообще по-умному — сколько угодно»⁴.

Возможность для автора иметь сколько угодно «нравственных взглядов» на предмет и «убеждений» о нем здесь надо понимать двояко: во-первых, как свидетельство того, что взгляды Розанова на разные «предметы» действительно были подвержены изменению, как он сам говорит, «на расстоянии» одного дня, часа и даже нескольких минут. Во-вторых, позиция Розанова не выражает какого-либо отношения к добру или злу и не является оправданием аморализма, поскольку речь у него идет о «предметности» как таковой, а не об оценке ее содержания. Ничего «безнравственного» в непостоянстве «убеждений о предмете» Розанов не находил, поскольку язык его суждений — это искренний, не навязанный никем и ничем язык «движений души». Отсюда должно быть понятно другое его высказывание: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали»⁵.

Стиль философствования Розанова, характерный для его творчества в целом, в том числе для его суждений о России и русском, замечательно описан философом, литературоведом и богословом С. Н. Дурылиным, близко знакомым с ним в последний, Сергиево-Посадский период жизни: «У него шла своя мысль непрекращающаяся волною, и никто никогда не знал, о чем бьет сейчас в нем эта волна. Он и сам, я думаю, часто этого не знал, а всплеск этой волны — иногда высоко! высоко!

³ Алфавитный перечень к «Сахарне», «Мимолетному. 1914 год», «Мимолетному. 1915 год», «Последним листьям», «Апокалипсису нашего времени» // Розанов В. В. Листва.— М.-СПб., 2010.— С. 488–535.

⁴ Розанов В. В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г.— М., 2005.— С. 412–413

⁵ Розанов В. В. Листва.— М.-СПб., 2010.— С. 41

дерзостно высоко! неудержимо силен и резок! — мы видели в виде такого вот его внезапнейшего замечания, изумительного письма, в виде парадоксальнейшей статьи, неожиданнейшего утверждения, совершенно противоположного тому, которое были вправе ждать от него»⁶.

Тема России и «русскости», оставаясь в творчестве Розанова постоянной, вместе с тем, рассматривалась всякий раз с многократными изменениями ракурсов, с разных сторон, в разных связях и отношениях. Данная тема выражена Розановым персоналистически, с позиций его собственного «я», что наложило на ее трактовку особый отпечаток:

«Я» есть «я», и это «я» никогда не станет — «ты».

И «ты» есть «ты», и это «ты» никогда не сделается как «я».

Чего же разговаривать. Ступайте вы «направо», я — «налево», или вы «налево», я «направо».

Все люди «не по дороге друг другу». И нечего притворяться.

Всякий идет к своей Судьбе.

Все люди — solo⁷.

Розанов, несомненно, обладал самобытным литературно-философским даром. С особой яркостью этот дар проявляется не в крупных литературных формах, а в очерках, статьях, заметках и небольших, в одну-две страницы, или в одно-два предложения неподражаемых высказываниях-размышлениях, названных им «эмбрионами», «опавшими листьями» и др. Именно в такой форме чаще всего и представлены мысли Розанова о России, о русском. Д. С. Мережковский назвал Розанова «русским Ницше», имея в виду его философскую афористику. С этим сравнением Розанов решительно не соглашался: «С Ницше... никакого сходства»⁸. Оценить Розанова посредством сравнения с кем бы то ни было невозможно. Как замечал его первый биограф Э. Голлербах, Розанов не может быть «упрощен» и «растолкован». Поэтому не существует другого способа понять Розанова, кроме одного — прочитать его статьи и книги. И если писать о его философии, то надо чаще давать слово ему самому. Но не потому, что он так труден для понимания. Просто разброс его мыслей настолько велик и необычен, что воспринимать их нужно в целом, в той последовательности и в том контексте, которые заданы автором. «Да, мне многое пришло на ум, — пишет Розанов, — чего раньше никому не приходило, в том числе и Ницше, и Леонтьеву. По сложности и количеству мыслей (точек зрения, узора мысленной ткани) я считаю себя *первым*»⁹.

Этот сложный «узор мысленной ткани» состоит в том, что суждения Розанова располагаются не по принципу «тезис — антитезис», «с одной стороны — с другой стороны», они не столько альтернативны, сколько многовариантны и полифоничны. И более всего это видно в броских изречениях о России и русских: «интимность, задушевность», «свинство», «нигилисты», «общечеловеки», «славные», «духовная нация», «неотесан и груб», «жесток», «ленивые», «русские вечные хлысты», «русские люди — труха», «русский человек задарма и рвотного выпьет», «русский человек слишком

⁶ С. Н. Дурылин и его время. Сост. и ред. А. Резниченко. Кн. Первая. Исследования. — М., 2010. — С. 323–324.

⁷ Розанов В. В. Последние листья. — М., 2000. — С. 21.

⁸ Розанов В. В. Листья. — М.-СПб., 2010. — С. 224.

⁹ Там же. С. 224–225.

теплый человек», «русский народ не техник, а идеалист». В них много эмоционального, озорного, пережитого и прочувствованного самим автором. В сочинениях Розанова множество примеров того, что может быть названо «национальной самокритикой». Эта самокритика порой настолько остра, что заставляет усомниться в расхожем мнении, что Розанов был «консервативным публицистом» и защитником реакции. Наиболее убедительным опровержением этого образа являются публикации писателя, собранные в книге «Когда начальство ушло» (1910).

Розанов не был бы Розановым, то есть писателем исключительно чуткой организации, если бы не ощутил необходимость осмыслить революционные события, всколыхнувшие Россию в 1905–1906 гг., а затем и в феврале, октябре 1917 г. В результате Розанов открывает новую сторону вечно интересовавшего его «предмета» — России, причем в отношении Первой русской революции делает это так, что Андрей Белый в своей рецензии назвал эту книгу «оправданием революции» («Русская мысль», ноябрь 1910)¹⁰. Известный розановед С. Р. Федякин оценивает как закономерный переход Розанова от дореволюционной консервативной журналистики к стремлению осмыслить «метафизику революции». Революционный вихрь, сметающий «плесень старых предрассудков, прежних догм», становится новым материалом продолжающегося розановского «вечного поиска истины, смысла и сущности русской идеи»¹¹.

Честное объяснение событий революции, по Розанову, не может игнорировать тот факт, что «левые объемлют всю «новую Россию», шарахнувшуюся к новому идеалу, всемирному. А центр и правые стоят останками старых идеалов, около руин старой культуры. В них нет энтузиазма и силы. Никто из них не умрет за своих Горациев и за свои Пантеоны. А «новые люди» во множестве готовы умереть, да и умирали в «катакомбах» Шлиссельбурга и Кары. Даже эти почище, пострашнее и катакомб, и относительно маленького цирка Веспасиана»¹². Вместе с тем, образное розановское определение русской революции тремя словами «когда начальство ушло» (пригодное, кстати, для всех русских революций XX в.), отнюдь не обозначает переход автора этих слов в «революционный лагерь». Ситуация русской смуты породила многие критические высказывания Розанова, направленные на «фасады», «казенное», на правительство, церковь, на революционеров, либералов и консерваторов, политиков вообще, на гимназии, университеты, печать, на «всю сволочь на Руси». В статье, снятой с набора в 1904 г. Розанов говорит о безвольном и бездеятельном «Кабинете» (собирательный образ петербургской бюрократии, в которой «едва ли не заключается главное наше зло»). «Кабинет» обвиняется им в «упадке, истощении центра» Великороссии¹³, где «поля пахутся как при Рюрике», тогда как петербургское «Земледелие», заведенное на Мариинской площади в Петербурге, более «проводит борозды» в графах и подразделениях, горизонтальных и вертикальных,

¹⁰ Наряду с тонкой и проницательной рецензией Андрея Белого на книгу Розанова вышли и другие, резко отрицательные публикации. В том же номере «Русской мысли» была напечатана остро-критическая рецензия П. Б. Струве под названием «Большой писатель с органическим пороком». Об этом см. комментарии С. Р. Федякина к тому «Когда начальство ушло...» в собр. соч. В. В. Розанова. — М., 1997. — С. 605–607.

¹¹ Там же. С. 607.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Там же. С. 29.

на великолепной «министерской бумаге»¹⁴. В итоге получается, что «самое Россию» ее правящий механизм перестал видеть.

— Где Россия?

— Не знаем?»¹⁵

Подобно участникам сборника «Вехи» Розанов усматривает одну из причин «нашей смуты» в накоплении русским обществом нигилистической энергии, порожденной «могучим двигателем» ложной социалистической и атеистической религиозности, расшатывающей «ослабнувший фетиш» (монархию) и взамен порождающей новый фетиш «невидимой социалистической республики» (пока еще невидимой в 1906 г.). Однако Розанов идет значительно дальше веховцев в своей критике нигилизма и интеллигентщины, обвиняя *всю* русскую литературу и литераторов, от Белинского и Герцена до Щедрина и Толстого, в расшатывании устоев русской жизни и, в особенности, русского православия:

«Что же больше?

Россия или Щедрин?

И что священнее:

Христианство или Белинский?

И что вам, писателишки, нужнее и дороже:

“Свои журналы” или то, на чем держится вся человеческая культура?»¹⁶

И далее:

«Писателишки ведут:

— К разрушению России.

— К разрушению церкви (не к исправлению *недостатков*, коих больше, чем песка в пустыне, о нет: а к ее *небытию*).

— К разрушению вообще идеализма, идеалов»¹⁷.

Возникает вопрос: можно ли обнаружить в кажущемся хаотическим «розановском нагромождении» проблем, сюжетов, имен, образов и метафор смысловое единство, некоторую общую идею? Что роднит «листву» розановских «мимолетных» высказываний о России, русских и русскости, всегда подверженных влиянию места, времени и обстоятельств их написания и всегда нарочито субъективных? Наша цель заключается в том, чтобы в контексте общей персоналистической направленности философского мировоззрения Розанова выявить характерную для его творчества трактовку русской идеи. Это означает признать то, что при всем многообразии розановских суждений о России и русском они не распадаются на бессвязные детали, а формируют своеобразную религиозную философию, на основе которой выстраивается стремление соединить «неуловимое» Руси в целостную картину.

Здесь надо принять во внимание то обстоятельство, что понятие «русская идея» Розанов употреблял редко, к тому же он не занимался концептуальной разработкой

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Розанов В. В. Сахарна.— М., 1998.— С. 78.

¹⁷ Там же.

религиозной философии русской идеи, в отличие от В. С. Соловьёва, С. Л. Франка или Н. А. Бердяева. Как принципиально асистемный мыслитель Розанов не ставил перед собой в качестве специальной задачи теоретическую интерпретацию русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности — всего того, что входит в состав метафизики русской идеи как определенной философии и жанра русской религиозной философии¹⁸. Не будучи собственно теоретиком русской идеи, Розанов, вместе с тем, внес особый, совершенно оригинальный вклад в разработку классического жанра русской идеи, сложившегося к десятилетиям XX в.

Розанов наследует и развивает традицию Ф. М. Достоевского, согласно которому русская идея есть исполнение Россией своей христианской миссии, выраженной в поиске путей соединения народов и преображения человечества. Достоевский писал: «...если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными. Все спасение наше лишь в том, чтобы не спорить заранее о том, как осуществится эта идея и в какой форме, в вашей или нашей, а в том, чтобы из кабинета всем вместе перейти прямо к делу»¹⁹. Повторим еще раз, что Розанов специально о русской идее не писал как философ-теоретик, и русская идея не является каким-то подразделом его творчества. Правильнее говорить, что *вся его философия* в определенном смысле есть русская идея, как понимал ее Розанов — мыслитель глубоко и подлинно русский, своим творчеством служивший России и горячо любивший Родину: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе,— мы и не должны отходить от нее. Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и... будет являть одни кости — тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет»²⁰. Или: «Может быть, народ наш и плох, но он — *наш* народ, и это решает все. От «своего» куда уйти? Вне «своего» — *чужое*. Самым этим словом *решается все*. Попробуйте пожить «на чужой стороне», попробуйте жить «с чужими людьми». «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги — из чужих рук»²¹.

При всей розановской «национальной самокритике», распространявшейся и на критику Розановым самого себя²², его русская идея — это квинтэссенция многих философских размышлений и доказательство того, что все розановское творчество есть «родиноведение» и «отечествоведение» (его слова). Все русское у Розанова — отнюдь не стилизация (ее он называет «отрыжкой декадентства»), существующая лишь для того, чтобы написать о России. Подобную «стилизацию» он терпеть не мог,

¹⁸ О роли В. В. Розанова в разработке русской идеи см.: Маслин М. А. Русская идея // Русская философия. Энциклопедия.— М., 2007.— С. 474–476.

¹⁹ Достоевский Ф. М. «Человек есть тайна...».— М., 2003.— С. 264.

²⁰ Розанов В. В. Листва.— М.-СПб., 2010.— С. 93.

²¹ Там же. С. 115.

²² Розанов говорил о себе: «Сам я довольно деятельный человек (сколько написал за жизнь), но с великим вниманием и все возрастающим изумлением всматриваюсь в совершенно противоположное моей натуре начало — лень. Мне приходит на ум, что в “лени” содержится метафизический принцип Руси... Готов крикнуть: “Не могу молчать”, но удерживаюсь...» (Розанов В. В. В чужду войны.— М.-СПб., 2008.— С. 247.

называл ее «болезнью времени». Он писал: «Неприятнейшая из неприятных сторон нашего времени — стилизация... Стилизацию мне хочется назвать последнею могилою. Из нее нет воскресения. Напр., Христос и христианство, Россия и русизм могли бы погибнуть, исчезнуть и стереться из бытия, если бы наступила «стилизация Христа и христианства», «стилизация России и русского»²³. Стилизатором России и Христа В. В. Розанов считал Д. С. Мережковского, а его стилизаторство называл «последним несчастьем»: «Не только в Мережковском есть странная ирреальность, но и «мир его» как-то странно недействителен. Он вечно говорит о России и о Христе. Две темы. И странным образом ни Христа, ни России в его сочинениях нет.

Как будто он никогда не был в России...
И как будто он никогда не был крещен...

Удивительно. Удивительное явление. Я думаю, действительно «последнее несчастье»²⁴. Подобная стилизация, как ее понимал Розанов, сохраняется и сейчас, когда некоторые авторы, пишущие о России и русском, о русской философии, буквально вчера не выговаривавшие само словосочетание «русская философия», сегодня вдруг ее «полюбили» как предмет, который, оказывается, пользуется спросом и даже может быть товаром и «брендом». Одни чуть ли не готовы задушить ее в объятьях, а другие обливают все русское грязью, зарабатывая на русофобии.

Почему это происходит? Розанов объяснял нечто подобное примерами из творчества Мережковского, который пишет на разные темы вовсе не потому, что так уж их любит. У него русские темы «вытаскиваются единственно потому, что Дим. Сер-чу нужно писать еще томы и томы, писать всю жизнь,— но не потому, чтобы Мережковский заболел о них или Россия заболела о них. Никто ничем не болен, но Мережковскому нужно писать.

Пиши, мой друг, старайся,— своим классически красивым почерком.
В этот красивый почерк вся вселенная уложится»²⁵.

По Розанову, понимать Россию «можно не путем какой-то стилизации а ля рюс, но только разумом и любовью».

«Русскому человеку все русское любо.
“Не говоря уж о законах”: но вот что — нравится и русское беззаконие»²⁶.

Или еще более отчетливо:

«Как мне хочется быть собакой.
Собакой, лошадью на дворе и оберегать Дом и хозяина.
Дом — Россия. Хозяин — “истинно русские люди”»²⁷.

²³ Розанов В. В. Мимолетное. — М., 1994. — С. 173.

²⁴ Там же. С. 49.

²⁵ Там же. С. 78.

²⁶ Там же. С. 194.

²⁷ Там же. С. 190.

Можно сказать, что «хранительная» цель творчества Розанова провозглашается прямо и открыто: оберегать хозяина, который зовется Россией. «До какого предела мы должны любить Россию? ...до истязания; до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до “наоборот нашему мнению”». Любовь к России и русскому у Розанова именно иррациональна, неизъяснима, ибо, по его убеждению, родину нужно любить всегда и во всем — не только в ее красоте и величии, но и в ее убогом и греховном состоянии. Интересно различие Розановым понятий «родина» и «отечество». Отечество может изменить свой облик, сегодня оно такое, а завтра — иное. А родина — как мать у человека одна. Это постоянная, неизменяемая, вечная ценность.

Неприязнь и нелюбовь к России со стороны иностранцев и иностранных держав понятна и объяснима: это зависть к русскому богатству, необъятным просторам, стремление к их захвату. По Розанову, внешние русофобы только и «смотрят на Россию расширенным глазом, только смотрят и щупают, за что бы ухватиться». Захватам и вражеским проникновениям невольно потворствовала и сама Россия, в своей истории вовсе не демонстрировавшая хищнических устремлений, ибо «в стремлении, в заветных своих чаяниях, в том, что полагается окончательным, — народ русский проникнут началом именно гармонии, именно примирения». «Русь без злобы и, главное, без всякой мстительности вспоминает татарское над собою иго. Татар у нас положительно любят, — любят в населении массою и массу. С турками сколько войн мы вели, но и к туркам ни малейшей ненависти у русских и в России нет. Иностранцы у нас пригреты. Из мордвы был знаменитый патриарх Никон, а Годунов был потомком казанских князей. Литва, белорусы, грузины — все у нас свои люди, все сидят за русским столом, без кичливости над ними хозяина. Им не подают грязных салфеток, не обносят кушаньем. И, мы верим, в русских “иностранцах” Россия получит, как уже и получала, преданнейших слуг или, точнее, детей-слуг себе. Такими были Багратион, Барклай-де-Толли. Во всяком случае это действительно, по-настоящему блестящая параллель тому потоку истребления, каким в пору силы устремились “ясновельможные” на Литву, на несчастную Белоруссию, на давших им хороший отпор хохлов. Лучшие победы России одержала добротою и широтою, как Польша все проиграла “ясновельможностью”, кичливостью, нервною, незнанием ни в чем меры, — поведением легкомысленным и жестоким»²⁸ Как справедливы эти слова сейчас, когда некоторые нынешние страны-выходцы из России обвиняют нашу страну во всех своих бедах и взваливают на нее ответственность за собственную неспособность построить государство.

Корневая причина неприязни к России внутри самой России Розанову видится в распространении нигилизма, который основан не только на отсутствии любви, но и на явном «ненавиденьи России». Крайней его формой является смердяковщина, отцеубийство. Но любовь к России, если она есть — это вовсе не восхваление и превознесение всего русского, ибо «любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)»²⁹ и вместе с тем любовь — порождение сердца, а не разума: «Мы не по думанью любим, а по любви думаем. Даже и в мысли — сердце *первое*»³⁰. Своего рода эталоном такой сердечной любви к России Розанов считает творчество Достоевского: «Достоевский весь боль за Россию»³¹.

²⁸ Розанов В. В. Около народной души. — М., 2003. — С. 234.

²⁹ Розанов В. В. Литва. — М., 2010. — С. 95.

³⁰ Там же. С. 149.

³¹ Розанов В. В. Мимолетное. — М., 1994. — С. 49.

Поэтому вполне закономерно, что идеальный тип русской идеи Розанов находит именно в романах Достоевского. Его раскрытию специально посвящена статья «Возле «русской идеи» (1911), выполненная в своеобразной форме литературно-философского эссе-притчи. Основу статьи составляет анализ сквозь призму русской идеи философских романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы», а также знаменитой речи Ф. М. Достоевского, посвященной А. С. Пушкину. Розанов отталкивается от «идеи Крафта» в романе «Подросток», заключающейся в том, что молодой человек, русский патриот с немецкой фамилией, не смог смириться с мыслью, что Россия — второстепенная страна, пришел к мысли, что «в качестве русского совсем не стоит жить» и потому покончил жизнь самоубийством. Разумеется, и бредовая «идея Крафта», и идея «подлинного дьявола» Смердякова о том, что «Россию завоевать нужно. Придут французы и покорят ее» — не имеют отношения к подлинной русской идее. «Возле русской идеи», по Розанову, идет та борьба, которая характеризуется словами Достоевского: «Дьявол с Богом борется: а поле борьбы — сердца людей». В ходе этой борьбы, по Розанову, Достоевский помогает «Богу» тем, что вкладывает в уста Шатова тезис о «русском народе-Богоносце». Этот тезис, как чересчур горделивый, уравнивается в речи на Пушкинском празднике другим — «Смирись, гордый человек!». Отсюда у Достоевского особо акцентируемый Розановым «образ кроткой Татьяны, безмолвной Татьяны, “покорной судьбе своей”»³². Разговор о русской идее здесь переводится из сферы высоких историософских абстракций на уровень православно-бытовой, семейный, любовный. Из чего следует его собственная трактовка русской идеи как вечной женственности и плодovitости противоположной европейскому «началу гордыни, захвата, господства». Впоследствии, как известно, эта трактовка получила дальнейшее развитие в работах Н. А. Бердяева и особенно в его широко известной «Русской идее» (1946), которую можно считать завершением классического жанра русской идеи в XX столетии.

Речь Достоевского о Пушкине и содержащийся в ней тезис о «всемирной отзывчивости» как характерной черте русского национального идеала получает у Розанова совершенно новую, «физиологичную и вместе духовную» трактовку русской идеи, согласно которой «русские принимают тело (Европу. — М. М.), но духа не принимают. Чужие, соединяясь с нами, принимают именно дух»³³.

Особенное внимание Розанов уделяет менее известному, чем в Пушкинской речи, изложению русской идеи устами «русского европейца» Версилова, скитальца по Европе, вернувшегося в Россию и ведущего диалог со своим сыном. Эта позиция, считает Розанов, наиболее близка самому Достоевскому: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия. О, более! Нельзя более любить Россию, чем люблю ее я, но я никогда не упрекал себя за то, что Венеция, Рим, Париж, сокровища их наук и искусств, вся история их — мне милей, чем Россия. О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим»³⁴. В этой идее Версилова, утверждает Розанов, «Достоевский и выразил “святое святых” своей души, указав на особую внутреннюю миссию России в Европе, в христианстве, а затем и во всемирной истории: именно “докончить” дом

³² Розанов В. В. Среди художников. — М., 1994. — С. 346.

³³ Там же. С. 355.

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. — Л., 1975. — Т. 13. — С. 377.

ее, строительство ее, как женщина доканчивает холостую квартиру, когда входит в нее «невестою и женою» домохозяина»³⁵.

В качестве подтверждения идеи о возможной и чаемой гармонии «тевтонской мужественности» и «русской женственности» Розанов приводит краткую притчу на сюжет, взятый из повседневной жизни, но явно сочиненный им самим, что придает притче в целом образ «очевидного — невероятного». Речь идет о Бисмарке, который, будучи в России, якобы заблудился на медвежьей охоте, очутился «в положении поляков с Су-саниным» и уже считал себя погибшим: «— *Ничего!* — обернулся мужичок с облучка.

Он был один, с этим мужиком. Без русской речи, кроме каких-нибудь слов.

Мужичок все обертывался и утешал железного барина:

— Ничего, выберемся!

«Выберемся» он уже не понимал. А только запомнил это «ничего», много раз повторявшееся. И когда стал канцлером, то в затруднительных случаях любил повторять на непонятном языке:

— Ничего. Nitschevo»³⁶.

Эта притча указывает на то, что розановская версия русской идеи не предполагает выход на какие-либо масштабные универсалистские конструкции вроде «замысла Бога о России» (как у В. С. Соловьева в его «Русской идее»). Не был Розанов и сторонником рассмотрения русской идеи в историческом ключе, путем сравнения истории России и Европы. Более того, в «Предисловии ко второму изданию» своей «Легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1901) он считал ошибкой Достоевского углубление в историческую конкретику, поскольку «вопросы, поставленные Достоевским, гораздо глубже, чем казались ему. Они все суть более метафизические вопросы, чем исторические, каковыми он склонен был сам считать их»³⁷.

Толкование розановской притчи, при всей ее метафоричности и даже комичности, означает указание Розановым на иные, чем исторические, а именно характерные человеческие характеристики русскости, которые «есть только расширение «русской жалости», «сострадания к несчастным, бедным, неимущим», к «немогущим победить зло жизни»³⁸. Это согласуется с другой, абсолютно гениальной мыслью, высказанной в «Уединенном» (она завершает всю книгу): «Никакой человек не заслуживает похвалы. Всякий заслуживает только жалости»³⁹. Это одно из самых емких определений русской идеи и, вместе с тем, данное краткое высказывание выражает самую суть универсального человеколюбия мыслителя. Оно указывает именно на ту идею и черту мировоззрения Розанова, которую он сам открыл в Достоевском и, без сомнения, перенял у него, а именно на «идею абсолютного значения личности»⁴⁰.

Здесь важно указать еще на одно важное обстоятельство. При всем своем патриотизме, сочетающемся с ненавистью к врагам всего русского, особенно к разрушителям бытового и семейного уклада, Розанов не был сторонником национального мессианизма и был его решительным критиком. Подобные идеи он обнаружил у Н. А. Бердяева и неоднократно их критиковал. Так, в рецензии на книгу «Смысл творчества» под на-

³⁵ Розанов В. В. Среди художников. М., 1994.— С. 352.

³⁶ Там же. С. 349.

³⁷ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.— М., 1996.— С. 8.

³⁸ Розанов В. В. Среди художников.— М., 1994.— С. 356.

³⁹ Розанов В. В. Листва.— М.-СПб., 2010.— С. 72.

⁴⁰ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.— М., 1996.— С. 37.

званием «Идея мессианизма» он выразил несогласие с любой его разновидностью, в том числе польской, немецкой и русской. Мессианиззм Розанов определяет как явление опасное. «Оно кружит головы, рождает чары; рождает силы, творит положительное безумие. Народы, порывающиеся сознательно к “первому месту на земле”, начинают совершать явно безумные поступки, очевидные со стороны, но нисколько не видные самим носителям “всемирной миссии”»⁴¹.

Отвечая на критику Бердяева, высказанную по поводу его статьи «Идея мессианизма», Розанов еще раз указывает на губительную для всех народов пропаганду «национально-“величавых” целей», особенно губительную во время Мировой войны (статья «Из философии народной души» (На возражение Н. А. Бердяева о «Русском мессианизме» написана в 1916 г.). Так или иначе мессианизм такого рода чреват «грандиозной теократией» папского типа, войной и подавлением демократии (сейчас бы мы сказали чреват тоталитаризмом). Тогда как «тишина, кротость, тишина и незлобивость — это вечная и настоящая демократия»⁴². Розанов считал, что теократия и мессианизм противоречат общему складу русской жизни, «русскому народному характеру и в лучших случаях даже русскому личному характеру». Этому отвечает «общее сложение и склонение истории (русской истории.— М. М.), всеобщая любовь к обыкновенной бытовой жизни»⁴³.

Интересно заметить, что в начале XX в. Розанов предсказывает общие контуры будущих цивилизационных, именно цивилизационных, а не военных или геополитических столкновений и угроз для России. Он пророчествует о том, что в будущем столкнутся две цивилизационные идеи «огромного притяжения и духовного смысла» — европеизм и американизм (к последнему он относил также и «японизм», поскольку «японцы такие же плоские прозаики, такие же желтые «янки», тоже реалисты и техники до мозга костей»). Это духовная борьба, в которой «идет банкир на профессора, слесарь на астронома, биржевой маклер на старого геттингенского или московского идеалиста»⁴⁴. В этой борьбе Россия выступает, по Розанову, на стороне культурного европеизма, ибо по сравнению с Америкой «Россия есть в точности и в самом строгом смысле культурная страна: по сложности истории своей, которая есть история государства, веры, искусства, народных песен, архитектуры и живописи, пусть лубочной — это все равно! Ибо дело не столько в том, как сделана икона, Рафаэлем или суздальцем, а в том, что с верой и надеждой на эту икону молились тысячу лет... Это и образует культуру, а не арифметика, которую можно выучить в год. Образуют культуру богатство духовного опыта, долготность его, сложность его... Культурой, в смысле поэзии и мудрости, мы никому не уступаем». «Янки ничего этого не понимают, это им невозможно растолковать»⁴⁵.

Другое, более опасное для России явление — внутренняя русофобия, которую воплощают «пакостники» (тоже розановское слово), пакостники всего русского. Они многолики и вездесущи, потому и опасны. Философия пакостника проста и незамысловата: «Если он ненавидит свое отечество — интересный человек; если любит свое отечество (то кому он интересен) — что же о таком говорить?» Где корни пакостничества, задается вопросом Розанов? Ответ таков — в самой русской жизни, в русской лени, не-

⁴¹ Розанов В. В. В чаду войны.— М.-СПб., 2008.— С. 246.

⁴² Там же. С. 313.

⁴³ Там же. С. 315.

⁴⁴ Розанов В. В. О писателях и писательстве.— М., 1995.— С. 164.

⁴⁵ Там же. С. 165.

деловитости, да и в русской литературе, изображавшей сначала «лишних людей», затем нигилистов и всяческих ненавистников собственного отечества. Именно в этом смысле следует понимать одно из высказываний Розанова: «Вся русская литература написана не на русские темы». Вот почему Розанов постоянно подчеркивает, что он главным образом и занимается тем, что всячески ругает русских, в том числе и русских литераторов. Во многом виновато и правительство. Например, «не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием... Каким образом наш вялый, безжизненный, не знающий, где найти “энергий” и “работников”, государственный механизм не воспользовался этой “паровой машиной”, или вернее “электрическим двигателем” — непостижимо. Что такое Аксаковы, Самарин и Хомяков, или знаменитый Мордвинов против него как *деятеля*, т. е. как *возможного деятеля*, который зарыт был где-то в снегах Виллюйска?»⁴⁶

Виновата, наконец, и семья. По глубокому убеждению Розанова, Россия начинается не с государства, а с семьи и брака, воспитания детей. Нынешним разработчикам демографических программ не худо было бы прочитать статьи и книги Розанова на эти темы. По свидетельству Голлербаха, первого розановского биографа, желая побольше узнать о том или ином человеке, Розанов непременно интересовался: «Женат? Дети есть? Как живете?» С этих, можно сказать, семейных позиций он воспринимал и революционные события в России, понятые им как крушение коренных устоев человеческого существования — семейных, нравственных, национальных. В кое-как сколоченных семьях, где родители не связаны настоящей, то есть и плотской, и душевной любовью, растут дети ущербные, отщепенцы, склонные к нигилизму. Поэтому «у русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства». В распространении беспочвенности и безнациональности виновата и церковь, поскольку у христиан, считал Розанов, «сфера половой жизни и половых органов — это отдел мировой застенчивости, мировой скрываемости — пала в преисподнюю «исчадия сатанизма», «дьявольщины». Сила христианства в том, что это величайшая религия смерти, слабость же в том, что тема пола, рождения, зачатия здесь отнесена к греху. Поэтому вместо принципа «покорить любовь закону брака» необходимо выдвинуть принцип «покорить брак закону любви».

Таким образом русская идея у Розанова — это философия жизни, философия оптимистическая, основанная на неприятии смерти. Смерть — это всегда трагедия, катастрофа, поэтому главный пафос жизнеутверждающей философии Розанова состоит в преодолении смерти и защите жизни. Это коренная тема русской философии, столь фундаментально разработанная в философии общего дела Федорова. Для Розанова, как и для Федорова, каждый человек — это сын человеческий или дочь человеческая, сын или дочь в своей семье. Человек, по Розанову таков, какова его семья. Отсюда ответ Розанова на вопрос: «Будет ли существовать Россия?», следовательно, и русская идея, прост и лаконичен. Будет существовать Россия, если будут рождаться русские дети и сохранится русская семья. Тогда сохранится и школа, и университет, и русская культура в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. «Человек есть тайна...». — М., 2003.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. — Л., 1975. — Т. 13.

⁴⁶ Розанов В. В. Листва. — М.-СПб., 2010. — С. 17.

3. Маслин М. А. Русская идея // Русская философия. Энциклопедия.— М., 2007.
4. Маслин М. А. Эпистолярность русской философии и тема литературного изгнания в творчестве В. В. Розанова // Русская философия: Историко-философские дескрипты.— Екатеринбург, 2010.— С. 160–180.
5. Маслин М. А. Н. Н. Страхов и тема «литературного изгнания» в сочинениях В. В. Розанова // Н. Н. Страхов в диалогах с современниками.— СПб., 2010.— С. 174–184.
6. Розанов В. В. В чадю войны.— М.-СПб., 2008.
7. Розанов В. В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г.— М., 2005.
8. Розанов В. В. Когда начальство ушло...— М., 1997.
9. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.— М., 1996.
10. Розанов В. В. Листва.— М.-СПб., 2010.
11. Розанов В. В. Мимолетное.— М., 1994.
12. Розанов В. В. О писателях и писательстве.— М., 1995.
13. Розанов В. В. Около народной души.— М., 2003.
14. Розанов В. В. Последние листья // М., 2000.
15. Розанов В. В. Сахарна.— М., 1998.
16. Розанова В. В. Собр. соч.— М., 1997.
17. Розанов В. В. Среди художников.— М., 1994.
18. С. Н. Дурылин и его время / Сост. и ред. А. Резниченко.— Кн. первая. Исследования.— М., 2010.